

Даниловские чтения
Античность – Средневековье – Ренессанс.
Искусство и культура
Сборник 2, часть 1
И.Е. Данилова

УДК 7.01

Смотреть, переживать и чувствовать.
О творческом методе И.Е. Даниловой

Елена А. Савостина

*Московский государственный академический художественный институт
имени В.И. Сурикова при Российской академии художеств,
Москва, Россия, esav@yandex.ru*

Для цитирования: Савостина Е.А. Смотреть, переживать и чувствовать. О творческом методе И.Е. Даниловой // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 1. С. 10–14

© Савостина Е.А., 2019

To look, to experience and to feel.
On the creative method of I.E. Danilova

Elena A. Savostina

*The Surikov Moscow State Academic Art Institute,
Moscow, Russia, esav@yandex.ru*

For citation: Savostina EA. Watch, worry and feel. On the creative method of I.E. Danilova. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Literary criticism. Linguistics. Cultural Studies" Series.* 2019;1:10-14

Вспоминая Ирину Евгеньевну Данилову, нельзя не признать, что она была человеком необычным – и как исследователь, и как руководитель научного коллектива, и как лектор, и как автор оригинальных выставочных проектов. Когда она все это успевала – сложно себе представить, а ведь была еще семья, был подрастающий внук, которого в четыре года привели в музейную детскую группу, и все тогда ходили смотреть в дверную щелочку на Сережу. А он в задумчивости сидел перед столиком, жуя пластилин, и Ирина Евгеньевна, вместе с нами на все это полюбовавшись, удалялась на цыпочках в свой кабинет. Благоговейно и тихо, дабы не спугнуть пластилиновую музу. Она очень трепетно относилась и к личному пространству, и к воспитанию чувств. Да и на самом деле это некое таинство: не всегда, когда речь идет об искусстве, способность видеть, понимать и чувствовать передается «носителем» напрямую, по-родственному («Из моих рук он “не ест”», – скажет она потом про подрастающего Сережу, который, кстати сказать, со временем стал профессиональным реставратором). Но так бывает, что в другом месте вокруг этого человека особым образом заряжается атмосфера и создается общее эмоциональное поле, которое воздействует на окружающих сильнее, чем лекционный подробный рассказ или семейная традиция. В такой ситуации просто вовремя слово сказать – как спичку поднести к горючей смеси, – и что-то вспыхнет в душе. Нам, тогдашней разновозрастной «музейной молодежи», это было хорошо известно.

Однажды нам посчастливилось поехать с Ириной Евгеньевной в Италию. Венеция, Флоренция, Рим, Милан... И там мы получили несколько необычных уроков, своеобразных «вспышек», много чего в жизни, наверное, изменивших.

Началось с Венеции, Галереи Академии. Урок 1: «Как смотреть картину».

Мы зашли в зал, где, как мне сейчас помнится, было много картин, смиренно встали за веревочку, ограждающую очередь и направляющую ее по периметру зала. Стоим. Откуда-то из неогороженного пространства возникает Ирина Евгеньевна, подходит ко мне, берет за руку (она и это делала своеобразно: двумя пальцами берясь за бицепс. Сильно. Я как-то видела такой железный механизм для погрузки спиленных деревьев) и говорит: «Хватит смотреть это гээ... Закройте глаза и идите за мной!..» И пошли...

«Открывайте!.. Вот», – мы остановились перед поздним Тицианом, «Пьета». Мария Магдалина. «Смотрите: она кричит!.. Она – протестует!..»

Урок 2: «Как смотреть скульптуру».

Один из учеников И.Е. по Строгановке, ныне знаменитый скульптор Александр Николаевич Бурганов, вспоминает, что когда Ирина Евгеньевна рассказывала им в общем курсе про античное искусство, они, молодые скульпторы, обсуждали принципы греческого натуроподобия (что потом вылилось в эксперименты с прямым копированием, отливке рук по снятой с реальной модели форме и глубоким разочарованием в полученном продукте... Об этом А.Н. написал в журнале «Советское искусствознание»). Студенты спрашивали Ирину Евгеньевну: «Ну как же нам делать руки, как ноздри? Как это делали они?» И получали ответ: «У греческой статуи не было ноздрей!» И ведь права: дышит-то античная статуя иначе... Мы убедились в этом и на античном импульсе, питавшем творчество Марино Марини: тогда только открылся его первый музей во Флоренции и первый, как говорят, музей современного искусства. Мы там бродили, наслаждались, удивлялись.

Несколько картин из нашего путешествия непоследовательно всплывают в памяти.

Флоренция. Идем «под ручку» – хватка та же... Как понимаю теперь, нужно было зайти с такого ракурса и двигаться с такой скоростью, чтобы Купол Дуомо любимого Ириной Евгеньевной Брунеллески выростал – не показался бы сразу, а возникал постепенно и неотвратно, понемногу раздуваясь, как бы наполняясь воздухом – как шар для воздухоплавания, вздымаясь, как писал о Куполе Вазари, «в такую высь, что горы, обступившие Флоренцию, кажутся равновеликими ему».

Рим. Вот мы оторвались от группы, обозревавшей Собор Св. Петра, от толпы, наполнявшей город, и сели прямо на площади, где, вероятно, от какого-то действия остались ряды стульев. «Подождем, пока народ рассосется, потом доберемся на автобусе», – предложила И.Е. И вот сидим. Осень. Люди, также, как и мы, занимавшие временные ряды, потихоньку подмерзают, «рассасы-

ваются». Меняется освещение – короткие сумерки, потом резко наступает темнота... Сначала мы еще перебрасывались словами, но это, наверное, я теребила, мне нужно было что-то спрашивать. Потом сидели просто так. Дышали, молчали... И это Урок 3: «Как смотреть архитектуру».

Через целую жизнь мы еще раз посидим на этой площади – с моими студентами. Правда, стулья к тому времени уже убрали, и мы пристроились на базах окрестных колонн, на приступочках. Я пыталась рассказать о нашем сидении здесь с Ириной Евгеньевной. Не знаю, помнят ли милые добрые девочки этот эпизод. Их, по-моему, очень смущали цифры. Как скажешь, когда это происходило... в общем, все равно задолго «до их эры». У «Моисея» не сдержалась. Снова вспомнила Ирину Евгеньевну.

О «Моисее» Микеланджело: «...Я увидела его в первый раз (во время стажировки – пять месяцев в Италии с “Володькой Толстым” (Владимир Павлович Толстой, академик РАХ, профессор), и мне показалось, что он какой-то черный... какой-то весь перекрученный...»

«Вот, – говорю моим барышням, – теперь я эту историю вам передала – с тем, чтобы через четверть века вы передали бы ее уже своим студентам». (Священный трепет... Благоговение и ужас...)

Основная черта творческого метода И.Е. Даниловой – стремление к ясности, пониманию художественного явления во всей его полноте, но часто – через какую-то одну его особенность. Поэтому и основная задача воспитания – научить *смотреть*, *вживаться* в предмет. «Переживать» и «чувствовать». Но главное в методе Ирины Евгеньевны – желание этим поделиться. И даже не столько поделиться, а *наделить*. Одарить вот этого несмысленшца, который сидит в флорентийском баптистерии, запрокинув голову, вглядываясь в сияние мозаичного чуда. Изобразить перед тем Преображение (чтобы как-то компенсировать издержки атеистического воспитания!). И незаметно поглаживать прядь волос, закрутившуюся на куртку («Смотрит! Не спугнуть бы...»). И эта картина сохранится в душе на весь мой век...

И еще одна. Мы покидаем Италию... Сидим в Милане, последнем пункте нашего путешествия, в автобусе, а это была группа из музеев Кремля, к которой мы примкнули от ГМИИ им. А.С. Пушкина. Дамы – дочери и супруги, а также сам комендант, испытавший культурный шок от вида кремля «ихнего», от того, что «они» сложили объект его охраны... Дамы не все понимали и разделяли наше стремление все увидеть, везде пройти. Наши утренние подъемы в пять утра и пробежки по памятникам до начала официального, предусмотренного расписанием дня. Набеги на булочки и капу-

чино, красные носы, исхоженные ноги и притом горящие глаза. Не вполне понимали они и предводителя этого всего – и слегка это показывали. И вот в автобусе сидит И.Е., поворачивается к нам, а у нее припухшее лицо, нос и глаза за большими «совиными» очками – красноватые и мокрые. «Что?! Тетеньки довели?! Что случилось, Ирина Евгеньевна?!» – А в ответ шмыг: «Флоренцию жалко!..»

Когда мы говорим об Ирине Евгеньевне, вспоминаем ее – уже на Чтениях ее памяти, мы не стремимся создать ее подробный реалистический портрет. Это и не нужно, и невозможно. Но хотелось бы сохранить хотя бы отдельные штрихи, создающие если не портрет, то абрис фигуры, намечающий хотя бы контуры ее неповторимой личности.

Информация об авторе

Елена А. Савостина, доктор искусствоведения, Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова при Российской академии художеств, Москва, Россия; Россия, 109544, Москва, Товарищеский пер., д. 30; esav@yandex.ru

Information about the author

Elena An. Savostina, Dr. in Art history, The Surikov Moscow State Academic Art Institute, Moscow, Russia; bld. 30, Tovarishcheskiy lane, Moscow, 109544, Russia; esav@yandex.ru